

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**Эмоциональные феномены в языковом сознании носителей
русского языка (на материале прямых и обратных ассоциа-
тивных связей)**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента (ки) 2 курса 252 группы
направления 445.04.01. «Филология (Теория языка и современные лингвисти-
ческие технологии)»

Рябуховой Яны Александровны

Научный руководитель

Канд. филол. наук, доцент

Е. В. Старостина

Зав. кафедрой

докт. филол. наук, профессор

О. Ю. Крючкова

Саратов 2026 г.

Понимание эмоциональной лексики и ее репрезентации в сознании носителей языка представляет собой одно из значимых направлений современной лингвистики, находящееся на пересечении психолингвистики, семантики, эмотиологии и культурологии. Несмотря на значительное число исследований, посвященных эмоциям и чувствам, остается открытым вопрос о соотношении лексикографически закрепленных значений слов «чувство» и «эмоция» и их психолингвистической реальности для носителей языка. Данные смежных дисциплин — психологии, философии, нейронаук и лингвистики — обнаруживают существенную терминологическую разнородность в трактовке слов «эмоция» и «чувство», что осложняет описание и классификацию эмоциональных явлений, особенно в межъязыковой перспективе.

Слова, обозначающие внутренние переживания, не только отражают субъективный опыт, но и функционируют как индикаторы культурных норм, социальных ожиданий и способов языковой категоризации эмоциональной сферы. При этом эмоциональная лексика в разных языках и культурах не совпадает ни по составу, ни по семантической организации: язык не просто отражает уже существующие эмоции, но и влияет на то, как они воспринимаются, переживаются и обозначаются. Ассоциативные реакции позволяют проследить, какие значения, контексты и интерпретации активизируются в сознании при восприятии эмоционально окрашенных слов, что обуславливает обращение к ассоциативному материалу при изучении обыденного осмысления эмоциональных явлений.

С рассматриваемой проблемой непосредственно связана межъязыковая асимметрия в самой структуре категоризации эмоциональной сферы. Соотношение пар «эмоция»/«чувство» и *emotion/feeling* представляет собой расхождение не на уровне границ значений отдельных слов, а на уровне членения соответствующего фрагмента опыта: носители русского языка последовательно разводят категории «чувство» и «эмоция», тогда как носители английского языка склонны объединять эмоциональные явления под общей категорией *feeling*. В связи с этим установление того содержания, которое носители рус-

ского языка вкладывают в слова «чувство» и «эмоция», требует обращения к эмпирическим данным — ассоциативным словарям и свободному ассоциативному эксперименту.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к изучению эмоциональной семантики и роли языка в репрезентации эмоциональных явлений в различных культурах, а также необходимостью верификации лексикографических данных на материале живого языкового сознания. Понимание того, как осмысляются эмоции и чувства на уровне обыденного сознания, значимо не только для лингвистической теории, но и для прикладных сфер — от межкультурной коммуникации и перевода до автоматического анализа эмоциональной тональности текста.

Объект исследования — ассоциативные поля «чувство» и «эмоция» по данным обратных томов ассоциативных словарей РАС и АСШС, а также по данным свободного ассоциативного эксперимента.

Предмет исследования — специфика содержания прямых и обратных ассоциативных полей слов «чувство» и «эмоция», представления разных групп носителей языка о данных явлениях, отраженные в ассоциативных связях.

Цель работы — выявление специфики прямых и обратных ассоциативных связей слов «чувство» и «эмоция» в языковом сознании носителей русского языка, анализ структурных и семантических характеристик одноименных ассоциативных полей.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Изучить работы, посвященные описанию слов «чувство» и «эмоция», их соотношению, классификации, особенностям отражения в языке и культуре.
2. Проанализировать данные обратных ассоциативных словарей АСШС и РАС с целью выявления стимулов, вызывающих реакции «чувство»,

«чувствовать» и «эмоция», описать структуру одноименных ассоциативных полей и выявить различия между ними.

3. Сопоставить данные обратных ассоциативных словарей АСШС и РАС, отражающих ассоциации информантов разного возраста (школьников и взрослых), и выявить возрастную специфику ассоциативных полей слов «чувство» и «эмоция».
4. Провести свободный ассоциативный эксперимент со стимулами «чувство» и «эмоция» среди носителей русского языка для выявления вызываемых реакций и установления структуры соответствующих ассоциативных полей.
5. Сопоставить данные обратных ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента, отражающих ассоциативные связи с противоположных сторон, и описать структурные и содержательные различия между ассоциативными полями слов «чувство» и «эмоция».

Методы исследования — свободный ассоциативный эксперимент, анализ психолингвистического (ассоциативного) значения слова, сопоставительный метод.

Материалом исследования послужили обратные ассоциативные словари: РАС (Русский ассоциативный словарь под ред. Ю.Н. Караулова), АСШС (Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области под ред. В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой, А.О. Мартьянова), а также данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного автором среди носителей русского языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно уточняет соотношение слов «чувство» и «эмоция» в русском языковом сознании, демонстрируя, что данные слова не являются стилистическими синонимами, а занимают различные семантические зоны. Работа вносит вклад в психолингвистическое описание эмоциональной лексики и в эмотиологию, а также подтверждает на русском материале положение о недопустимости некритическо-

го переноса англоязычных классификаций эмоциональных явлений на материал других языков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в психолингвистической лексикографии, в эмотиологических исследованиях, при разработке и адаптации систем анализа эмоциональной тональности текста, ориентированных на русский язык, а также в практике перевода, межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как иностранного.

Апробация. Основные положения и результаты исследования были представлены и обсуждены на следующих всероссийских научных конференциях:

1. Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики, 24–25 апреля 2024 г.). Тема доклада: «Фреймы «тоска», «грусть» и «печаль» по данным ассоциативных словарей и экспериментов».
2. Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященная 115-летию Саратовского государственного университета и 115-летию со дня рождения Е.И. Покусаева (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики, 23–24 апреля 2025 г.). Тема доклада: «Чувства и эмоции на пересечении культур и языков: проблемы определения и классификации».

Выступления подготовлены под научным руководством доцента Е.В. Старостиной.

Публикации по теме работы:

- 1) Рябухова Я.А. «Тоска» по данным этимологических, толковых и ассоциативных словарей // Филологические этюды. - 2024. - № 27. - С. 302-305.

2) Рябухова Я.А. Фреймы «тоска», «грусть» и «печаль» по данным ассоциативных словарей и экспериментов // Филологические этюды. - 2025.- № 28. - С. 308-311.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений, в которых приводятся материалы обратных ассоциативных словарей, словарные дефиниции анализируемых слов и данные свободного ассоциативного эксперимента.

Основное содержание работы. *Первая глава «„Чувство“ и „эмоция“: проблема определения понятий, классификация чувств и эмоций»* посвящена анализу теоретических подходов к разграничению эмоций и чувств и проблеме межъязыковой асимметрии в категоризации эмоциональной сферы.

В параграфе 1.1 рассматривается сущность эмоции, история представлений об эмоциональных явлениях и проблема их классификации. На материале наименований эмоциональных явлений — от античных (*πάθη*, *perturbatio*, *affectus*, *passio*) до современной терминологии — и на примере семантического расхождения древнегреческого *πάθος* (внешнее событие, претерпеваемое субъектом) и английского *emotion* (внутреннее психологическое состояние) обосновывается тезис о методологической несостоятельности представления о прямой переводимости наименований эмоциональных состояний и о некритической ориентации современной науки на англоязычную терминологию как универсальную. Анализ словарных дефиниций (МАС, БТС, Большой психологический словарь, Психологическая энциклопедия) обнаруживает отсутствие консенсуса как между обыденным и научным употреблением, так и внутри научного дискурса, а также каузальную циркулярность ряда определений; рассматриваются основные теории возникновения эмоций, в том числе информационная теория П.В. Симонова, критикующая определение эмоции через переживание как тавтологичное.

В параграфе 1.2 анализируется сущность чувства и проблема его классификации. Сопоставление словарных статей обнаруживает преобладание

иерархического подхода, согласно которому чувства трактуются как высший продукт развития эмоций, и каузальную циркулярность подобных определений, а также альтернативные подходы (В.В. Ильин, А.П. Седых), трактующие эмоции как внешнее проявление чувств. Выделяются три подхода к соотношению эмоций и чувств — синонимизация, иерархическое соотношение и автономизация — и ряд критериев их разграничения (устойчивость против ситуативности, социальная обусловленность против биологической основы и др.), которые, однако, не являются абсолютными. Приводятся экспериментальные данные Л.А. Пиотровской, свидетельствующие о межъязыковой асимметрии: разграничение категорий «чувство» и «эмоция» оказывается более значимым для русскоязычных респондентов, тогда как англоязычные чаще объединяют эмоциональные явления в категории *feeling*.

В параграфе 1.3 рассматривается вопрос о культурных различиях в проявлении, восприятии и назывании эмоций. Обсуждаются проблема базовых эмоций и примеры лексических лакун (нем. *Schadenfreude*, яп. *amae*, порт. *saudade* и др.), демонстрирующие, что ряд эмоциональных состояний обозначен средствами одних языков и не имеет прямого соответствия в других; подробно излагается критика универалистских подходов в работах А. Вежбицкой, прежде всего анализ культурной специфичности слова *emotion*. Рассматривается дискуссия о биологической основе эмоций (К. Изард) и ее пересмотр в работах Л.Ф. Барретт (критика данных П. Экмана методами электромиографии, кросс-культурное исследование с участием народа химба, данные о пациентах с повреждениями мозга); делается вывод о том, что физиологические реакции образуют основу эмоций, однако их семантика и социальные функции определяются культурным контекстом.

В параграфе 1.4 формулируются выводы к первой главе. Обосновывается положение о том, что соотношение пар «эмоция»/«чувство» и *emotion/feeling* представляет собой асимметрию принципиально иного порядка, нежели обычное несовпадение объемов значений: речь идет о различии в самой структуре категоризации эмоциональной сферы, типологически сопо-

ставимом с известным примером цветообозначения (рус. синий/голубой при единой английской категории blue). Из данного различия выводится практическое следствие: некритический перенос англоязычных моделей, в которых разграничение emotion/feeling не является центральным, на русскоязычный материал нивелирует значимое для носителей русского языка категориальное различие.

Вторая глава «*Особенности ассоциативных связей слов „чувство“ и „эмоция“*» содержит эмпирический анализ материала обратных ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента.

В параграфе 2.1.1 излагается методика анализа обратных ассоциативных словарей и уточняется терминологический аппарат. Обратный ассоциативный словарь определяется как словарь, в котором слова-реакции упорядочены по вызывающим их стимулам; в качестве материала привлекаются все словарные статьи обратных томов АСШС и РАС, заглавное слово которых представляет собой словоформу слов «чувство» или «эмоция», устойчивое сочетание с их участием либо форму глагола «чувствовать». Синтагматические сочетания со словом «чувство» разделяются на свободные, формируемые ситуативно и композиционные по значению (искреннее чувство, чувство страха), и устойчивые, лексикализованные, значение которых не выводится из суммы значений компонентов; устойчивые сочетания последнего типа вслед за Ю.Н. Карауловым именуются синтаксемами (чувство долга, чувство голода, шестое чувство). В синтаксемах слово «чувство» реализует значения, несводимые к собственно эмоциональному состоянию, и не допускает подстановки слова «эмоция», что используется в качестве практического критерия выделения синтаксем. Различение по типу синтаксической связи (атрибутивные сочетания по модели «какое чувство» и сочетания с управлением родительным падежом по модели «чувство чего») проводится независимо от устойчивости, поскольку синтаксема может быть как атрибутивной (шестое чувство), так и построенной по модели управления (чувство долга), тогда как свободное сочетание также реализуется в обеих моделях. На этом основании в

материале выделяются подгруппа обозначений эмоциональных состояний, атрибутивная подгруппа, объединяющая свободные атрибутивные сочетания, подгруппа других значений, объединяющая синтаксемы, и подгруппа прочих реакций.

В параграфе 2.1.2 анализируются данные АСШС, информантами которого выступали школьники. Реакция *чувство, чувствовать* зафиксирована для 97 уникальных стимулов (349 ассоциативных связей), реакция *эмоция* — для 11 стимулов (17 связей). В подгруппе обозначений (163 связи, 17 наименований) лидирующие позиции занимают стимулы *любовь, впечатление, сочувствие, жалость*, причем стимул *любовь* доминирует с заметным отрывом (44 связи). Выявлены атрибутивная подгруппа (18 связей), в которой преобладают атрибуты глубины, исключительности и негативной окраски, и подгруппа других значений (10 связей, 3 наименования), реализующая у слова «чувство» значения телесно ощущаемого состояния (чувство холода, чувство тепла) и способности распознавать комическое (чувство юмора). Из четырех представленных в АСШС в качестве самостоятельных стимулов наименований базовых эмоций по К. Изарду реакцию *чувство* вызвали три (*стыд, радость, удивление*).

Группа реакций-глаголов в АСШС оказывается существенно беднее, чем в РАС (18 стимулов, 45 связей), и реализует значения восприятия органами чувств, переживания и самооценки состояния. Реакция *эмоция* в АСШС зафиксирована в значительно меньшем объеме и распадается на наименования эмоциональных состояний, особые случаи стимулов *чувство* и *чувствовать* и периферийную группу разнородных стимулов. На основании выявленной количественной асимметрии — в общем числе уникальных стимулов (97 против 11), в суммарном числе связей (349 против 17), а также в наличии у слова «чувство» развитой подгруппы других значений при ее полном отсутствии у слова «эмоция» — делается вывод о периферийном положении слова «эмоция» в лексиконе школьников и его принадлежности преимущественно к пассивному словарному запасу.

В параграфе 2.1.3 анализируются данные РАС, информантами которого выступали преимущественно взрослые носители. Объем стимулов РАС приблизительно в шесть раз превышает объем АСШС, что учитывается при сопоставлении количественных показателей. Реакция *чувство, чувствовать* зафиксирована для 207 уникальных стимулов (407 связей), реакция *эмоция* — для 39 стимулов (45 связей). Подгруппа обозначений (98 связей, 40 наименований) обнаруживает более равномерное распределение и более широкий спектр состояний, чем в АСШС; атрибутивная подгруппа (38 связей) обнаруживает иную конфигурацию, в центре которой стоят определения подлинности (*искреннее, настоящее, подлинный*). Подгруппа других значений (25 связей, 11 наименований) охватывает синтаксемы со значением телесно ощущаемого состояния, моральных и гражданских установок (чувство долга, чувство ответственности, чувство патриотизма) и способностей восприятия и оценки (шестое чувство, чувство меры, чувство гармонии), причем в РАС, в отличие от АСШС, представлены синтаксемы обоих типов — атрибутивная и с управлением родительным падежом.

Группа реакций-глаголов в РАС значительно богаче, чем в АСШС (50 стимулов, 78 связей), и актуализирует значения слова «чувствовать» как процесса восприятия телом, переживания и самооценки состояния, а также значения интуитивного знания и предчувствия (стимулы *предвидеть, дар*). Реакция *эмоция* (45 связей, 39 стимулов) организуется вокруг существенно более узкого набора типов: обозначения состояний, внешние проявления (наиболее частотный стимул — *жест*) и метафоры интенсивности. Установлено также различие в характере метафорической сочетаемости: при общем для обоих слов образце «существительное-метафора + существительное в родительном падеже» у слова «чувство» преобладают образы протяженного пространства, объемного вместилища и статичной массы (*империя, возвышенность, океан, море, букет*), а у слова «эмоция» — образы краткого ударного действия, изливающейся стихии и количественной предельности (*взрыв,*

фонтан, поток, полон, ноль), работающие на единую идею экспрессивности и динамики.

Также привлекается проверка по данным НКРЯ, показывающая, что слово «эмоция» в принципе слабо вступает в конструкции с управлением родительным падежом при обозначении конкретных эмоций (сочетания типа *эмоция радости, *эмоция гнева представлены единичными вхождениями), тогда как соответствующие сочетания со словом «чувство» являются узуральными. Данная асимметрия рассматривается как один из существенных аргументов в пользу несинонимичности анализируемых слов.

В параграфе 2.1.4 сопоставляются данные АСШС и РАС. Устойчиво воспроизводится количественная асимметрия в пользу слова «чувство» (97 против 11 уникальных стимулов в АСШС, 207 против 39 в РАС). Часть различий между словарями объясняется возрастным составом информантов: у взрослых носителей расширяется спектр зафиксированных эмоциональных состояний, распределение реакций становится более равномерным, стимул *любовь* уступает первую позицию *состраданию* и *жалости*, а подгруппа других значений и группа реакций-глаголов представлены значительно шире. Другая часть различий (появление в РАС метафорической подгруппы реакции *эмоция*, подгруппы стимулов внешнего проявления и развитой подгруппы прочих реакций) объясняется большим объемом стимулов. Однако центральные различия между словами «чувство» и «эмоция» — кратная количественная асимметрия и отсутствие у слова «эмоция» синтаксем — к этим факторам не сводятся и носят системный языковой характер.

В параграфе 2.2.1 описывается методика свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в два этапа во избежание взаимного влияния стимулов. В эксперименте со стимулом *чувство* приняли участие 102 респондента (90 женщин и 12 мужчин), со стимулом *эмоция* — 101 респондент (70 женщин и 31 мужчина); различия в составе выборок оговариваются при интерпретации результатов.

В параграфе 2.2.2 анализируется ассоциативное поле «чувство». Большинство реакций даны в форме именительного падежа; ядро поля составляет реакция *любовь* (29 из 102, 28,4 %), обнаруживающая преобладание с данными АСШС, где стимул *любовь* также занимал первую позицию. Зафиксированы реакции в форме родительного падежа (12 реакций: *долга, вины, голода, юмора, совести, страха* и др.), образующие со стимулом сочетания по модели «чувство чего» — как синтаксемы, значение которых не выводится из суммы значений компонентов, так и композиционные сочетания с зависимым существительным эмоциональной сферы; кроме того, среди реакций-прилагательных к синтаксемам отсылают шестое и безответное (шестое чувство, безответное чувство), тогда как *сильное* и *яркое* образуют свободные атрибутивные сочетания. Существенно, что обе синтаксические модели, описанные на материале словарей, воспроизводятся самими респондентами, тогда как со словом «эмоция» аналогичные конструкции не порождаются. Группа обозначений охватывает 66 реакций, группа других значений — 15 реакций, реализующих значения телесно ощущаемого состояния, моральных установок и способностей восприятия и оценки; группа реакций, связанных с внешним проявлением, представлена единственной реакцией *смех*.

В параграфе 2.2.3 анализируется ассоциативное поле «эмоция». Ядро поля составляет реакция *радость* (28 из 101, 27,7 %); при практически одинаковой с полем «чувство» степени концентрации ядра содержание его принципиально иное. Реакции в форме родительного падежа отсутствуют полностью, что согласуется с данными обратных словарей; реакции-прилагательные (*сильная, грустная, странная*) представляют собой свободные атрибутивные сочетания, не образующие устойчивых единиц. Группа обозначений охватывает 57 реакций (с учетом примыкающей реакции *чувство* — 65); группа других значений не зафиксирована. Специфической чертой поля является группа реакций, связанных с внешним выражением эмоциональных состояний (*улыбка, смайлик, эмодзи, жест, лицо, выразить, слеза* — суммарно 12 реакций), которая в обратном словаре РАС соответствует подгруппе стимулов внешне-

го проявления и тем самым подтверждается с двух сторон. Среди обозначений представлены пять из десяти базовых эмоций по К. Изарду (для сравнения, при стимуле *чувство* — три из десяти).

В параграфе 2.2.4 сопоставляются ассоциативные поля двух стимулов. При формальной близости полей (50 и 51 уникальная реакция, сопоставимая концентрация ядра — 28,4 % и 27,7 %, близкое число обозначений — 66 и 65) обнаруживаются содержательные различия на нескольких уровнях. Содержание ядра принципиально различно (*любовь* против *радости*). Различается внутренняя структура поля: в поле «чувство» за ядром следует резкий спад частотности (29 → 6), в поле «эмоция» разрыв между ядром и второй реакцией выражен слабее (28 → 8), а реакции распределяются более равномерно. Различается сочетаемостный потенциал: реакции в форме родительного падежа порождаются только стимулом *чувство*. Различается семантический диапазон: слово «чувство» покрывает несколько семантических зон помимо эмоциональной (телесные ощущения, моральные установки, способности восприятия и оценки), тогда как для слова «эмоция» ни одной реакции за пределами эмоциональной сферы не зафиксировано. Наконец, различается характер связи с внутренним и внешним: в поле «эмоция» выделяется группа реакций, связанных с наблюдаемым выражением, тогда как в поле «чувство» реакция *сердце* указывает скорее на внутреннюю локализацию переживания. Связь между двумя словами оказывается двусторонней, но асимметричной: стимул *эмоция* вызывает реакцию *чувство* в 8 случаях из 101, стимул *чувство* вызывает реакцию *эмоция* в 4 случаях из 102.

В параграфе 2.3 формулируются выводы ко второй главе. Совпадение результатов, полученных из двух противоположных направлений ассоциативной связи, делает выводы устойчивыми: к зоне пересечения двух полей относится общий набор наименований эмоциональных состояний, тогда как системные различия касаются количественной асимметрии, способности образовывать синтаксемы, семантического диапазона и характера связи с внутренним и внешним. Двупаправленность ассоциативной связи при этом зависит от

типа сочетания: синтаксемы (чувство долга, шестое чувство) воспроизводятся в обоих направлениях, тогда как метафорические сочетания (империя чувств, взрыв эмоций) — преимущественно от метафорической вершины к зависимому слову.

В **заключении** подводятся итоги работы. Проведенное исследование позволяет заключить, что слова «чувство» и «эмоция» занимают в русской языковой картине эмоциональной сферы принципиально различные позиции. Совпадая в зоне наименований собственно эмоциональных состояний, они различаются на тех уровнях, где у слова «чувство» представлены дополнительные семантические зоны (телесные ощущения, моральные установки, способности восприятия и оценки) и сочетаемостные модели (синтаксемы по моделям «какое чувство» и «чувство чего»), отсутствующие у слова «эмоция».

Количественная асимметрия в пользу слова «чувство» устойчиво воспроизводится во всех привлеченных источниках, равно как и способность слова «чувство» закрепляться в составе синтаксем при невозможности этого для слова «эмоция», подтверждаемая данными НКРЯ. Специфической чертой ассоциативного поля «эмоция», напротив, является связь с идеей внешнего проявления, фиксируемая в обоих направлениях ассоциативной связи. Совпадение выводов, полученных на материале обратных словарей и свободного эксперимента, свидетельствует о том, что разграничение слов «чувство» и «эмоция» в русском языковом сознании носит системный характер и не сводится к стилистическим различиям.

Полученные результаты согласуются с предшествующими наблюдениями автора над размыванием границ между близкими наименованиями эмоциональных состояний в русском языковом сознании [Рябухова 2024; Рябухова 2025] и подтверждают недопустимость некритического переноса англоязычных классификаций эмоциональных явлений на русский материал.

В качестве перспектив исследования могут быть рассмотрены расширение и балансировка выборки свободного ассоциативного эксперимента, прежде всего по полу, что позволило бы надежнее отделить семантические раз-

личия между словами «чувство» и «эмоция» от особенностей состава информантов; распространение примененного подхода на смежные наименования эмоциональной сферы («переживание», «настроение», «аффект») с целью описания ее целостной структуры; сопоставление полученных данных с материалом других языков; а также систематическое корпусное описание сочетаемостных различий между словами «чувство» и «эмоция», в том числе в диахроническом аспекте.